

ривать вино только въ определенное время (какъ тогда было установлено). Любопытно его разсужденіе по этому предмету: „Ежели варить тогда только, когда велятъ, хотя бы и бессиленъ былъ, то можно получить большіе убытки. Я присвою себѣ волю варить вино, когда время облегчаетъ капиталъ мой и сообразуется хозяйственнымъ выгодамъ, т. е. когда хлѣбъ заготавливается податиѣ (дешевле), скотъ скупается къ прокормленію дешевле, дрова удобнѣе и заводъ дѣйствуетъ въ добротѣ вина лучше“....

Беклешовъ тѣмъ не менѣе разрѣшилъ открытіе запечатаннаго завода подъ тѣмъ условіемъ, „чтобы впредь онъ неупустительно наблюдалъ въ винокурениі законный порядокъ“.

Прокуроръ исполнилъ это требованіе.

Найденная деревня! Фатежскій земскій исправникъ отрапортовалъ Беклешову о томъ, что „имъ въ проѣздѣ по Фатежской округѣ найдена деревня Журавина,“ о существованіи которой прежде никто не зналъ, даже въ окрестныхъ селеніяхъ. Нашедши деревню, исправникъ хотѣлъ подчинить ее своему вѣдѣнію, но оказалось прекуръзное препятствіе: Журавина находилась чуть ли не въ центрѣ Фатежскаго уѣзда, а при утвержденіи окружныхъ межъ, она была причислена ко Львовскому уѣзду. „И потому, писалъ исправникъ, остается эта деревня удаленною отъ всѣхъ наблюденій со стороны Фатежскаго земскаго суда, яко ему неподвѣдомственная, и со стороны Львовскаго суда, потому что онъ въ чужую округу вѣзжать не можетъ“.

Весьма любопытна резолюція А. А. Беклешова: „Сколько удивительно для меня нахожденіе сей деревни и отчисленіе ея совсѣмъ куда не слѣдуетъ и невниманіе намѣстническаго правленія. Я рапортъ исправника влагаю у сего и рекомендую немедленное сдѣлать разсмотрѣніе!“

Одинъ изъ крестьянъ Курскаго уѣзда, не добившись правосудія, пришелъ въ Курскъ и подалъ Беклешову просьбу, въ которой описалъ разбойничье нападеніе на его дворъ. Въ ночь на 12-е февраля напали на его домъ разбойники, разбили окна въ избѣ, изрубили въ сѣняхъ стѣны, вырубали въ амбарѣ двери и, забравъ отсюда все, имѣвшееся тамъ, безъ остатка, носили на свои повозки. Другіе изъ разбойниковъ разложили среди двора огонь и искали хозяина. Вмѣсто него они нашли двухъ ночевавшихъ въ усадьбѣ однодверцовъ, нанесли имъ побои и начали подпекать ихъ на медленномъ огнѣ. Услышавъ вопли истязуемыхъ, сосѣди подняли колокольный звонъ; сбѣжались изъ другихъ деревень жители. Тогда „лихіе люди“ совсѣмъ, забравъ имъ имущество, выѣхали изъ села. Соколовъ съ товарищами — цѣлымъ обозомъ погнался за разбойниками и догналъ ихъ въ селѣ Успенскомъ. Что же случилось здѣсь? Сельскія власти — сотскіе, вмѣсто содѣйствія потерѣвшимъ, не допустили даже Соколова съ товарищами войти въ домъ, гдѣ разбойники преспокойно расположились. Бросились съ просьбой къ земскому засѣдателю. Онъ пріѣхалъ въ Успенское, но обыска производить не сталъ, а велѣлъ ограбленному разбойниками взять его сани съ хлѣбомъ и лошадей, брошенныхъ разбойниками на произволъ судьбы. Соколовъ

затѣмъ подалъ жалобу въ Курскій земскій судъ, но тамъ никто и не подумалъ объ удовлетвореніи просителя.

„Удивляюсь непомалу, писалъ по этому поводу Беклешовъ, таковой засѣдателя дерзости и земскаго суда безпечности. Не могу я оставить поступокъ безъ взысканія. Требую отъ намѣст. правленія розыска грабителей, а земскій судъ предаю уголовному суду“.

Изъ шведскаго лагеря перебѣжалъ въ русскій фельдфебель Эренъ Столне. Онъ былъ представленъ генераль-аншефу графу А. А. Брюсу. По донесеніи объ этомъ Императрица Екатерина II повелѣла Эрена Столне отпраздновать въ Курскъ и здѣсь, по усмотрѣнію генераль-губернатора, опредѣлить на службу. А. А. Беклешовъ опредѣлилъ Столне въ число служителей намѣстническаго правленія, съ жалованьемъ по 60 руб. въ годъ. Жалованье это долженъ былъ получать городничій, которому, кромѣ того, приказано было наблюдать за поведеніемъ Столне.

IV.

Въ началѣ нашей статьи было указано на то, что А. А. Беклешовъ любилъ науки и людей ученыхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нѣсколько фактовъ изъ пребыванія его въ Курскѣ. Въ канцеляріи А. А. Беклешова, что было для того времени необыкновенною рѣдкостью, служили чиновники съ университетскимъ образованіемъ. Въ 1795 году онъ опредѣлилъ къ себѣ „студента Московскаго университета Павла Аверина“, впоследствии достигшаго званія сенатора. Аверинъ былъ уроженцемъ Курской губерніи.

Забота А. А. Беклешова о распространеніи образованія, между прочимъ, выразилась въ томъ, что онъ въ 1792 году привлекъ Курское городское общество къ ежегодному платежу третьей части городскихъ доходовъ *) на содержаніе народныхъ училищъ въ Курскѣ. Въ предложеніи Беклешова городской думѣ сказано было: „Предлагаю изъ собираемыхъ городскихъ доходовъ третью часть представлять въ приказъ общественнаго призрѣнія по третямъ года на содержаніе въ Курскѣ училищъ: главнаго народнаго, уѣзднаго и приходскаго, и сколько таковыхъ денегъ собрано будетъ, доставлять ко мнѣ въ узаконенное время счеты“.

Дума постановила предложеніе Беклешова исполнить, „учинивъ по сему предмету особый протоколъ“.

А. А. Беклешовъ вызвалъ въ Курскѣ нѣкоторое литературное оживленіе. Онъ завелъ здѣсь въ 1792 году типографію, при приказѣ общественнаго призрѣнія. **) Начальникомъ типографіи былъ назначенъ директоръ главнаго народнаго училища А. Н. Арсеньевъ. Онъ купилъ въ Москвѣ всѣ необходимыя принадлежности для типографіи, на что издержалъ 1300 р. и договорилъ двоихъ типографщиковъ братьевъ Люби — работать въ Курской типографіи. 2 мая 1792 года въ Курскъ прибылъ транспортъ съ ти-

*) Именно такихъ доходовъ, которые городъ получалъ отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ.

**) Подробныя свѣдѣнія о первой Курской типографіи напечатаны нами въ „Кур. Губ. Вѣд.“ 1897 г., №№ 228—234.